

УДК 811.161.1

ПОНЯТИЕ И КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

А.С. Мирошниченко

*Аспирант кафедры русской филологии
e-mail: Miroshnichenko_AS@grsu.by*

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Статья посвящена проблеме изучения понятия и категории «социальный статус» в современной лингвистике. Выделены основные подходы к трактовке понятия «социальный статус». Определено место категории социального статуса в исследовательской парадигме современной антропоцентрической лингвистики.

***Ключевые слова:** социальный статус, социальная стратификация, номинация лица по социальному статусу, статусная сема, статусно-маркированная языковая / речевая единица.*

Постановка человека в центр современного антропоцентрического языкознания привела к расширению сферы лингвистических исследований, в том числе касающихся проблематики статусной маркированности языковых и речевых единиц, социально-статусной самопрезентации человека в процессе общения, особенностей статусных номинаций лица и других. В фокусе внимания лингвистов находится человек как точка отсчета в анализе различных языковых явлений: «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» [Кубрякова 1995: 212].

Комплексное изучение категории социального статуса с использованием теоретико-методологического инструментария разных лингвистических направлений (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, коммуникативной лингвистики и т.д.) в рамках единой антропоцентрической научной парадигмы полностью соответствует интегративному и холистическому характеру языкознания XXI века, в котором «многие современные лингвистические дисциплины различаются лишь перспективой (выделенностью того или иного аспекта, той или иной характеристики объекта), а не объектом как таковым» [Кибрик 1995: 100].

В.И. Карасик, автор фундаментальной монографии, посвященной изучению социального статуса человека на материале английского языка, отмечает, что в современной лингвистике социальный статус изучается как «сквозное понятие», по-разному освещаемое в отдельных языковедческих дисциплинах, но имеющее единую природу [Карасик 2002: 5] и объединяющее «понятийные системы социолингвистики и

лингвистической семантики на базе прагматики» [Карасик 2002: 6]. Ученый определяет социальный статус как «соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения» [Карасик 2002: 5].

Категория социального статуса представляет собой наиболее обобщенный комплексный показатель положения человека в системе общественных связей и отношений. Комплексность категории обусловлена тем, что для определения места человека в социальном пространстве относительно других субъектов необходимо одновременно принимать во внимание множество различных социально-демографических признаков: пол, возраст, уровень образования, семейное положение, род профессиональной деятельности, этническое происхождение, место жительства, экономическое положение, должностной статус и т.д. Дифференциация социальных слоев и социальных групп, постоянная динамика стратификационной структуры общества неизбежно отражаются в языке и речи, например, в функционировании в текстах СМИ соответствующих номинаций лица по социальному статусу: *самозанятый, фрилансер, удалённый работник, социальный издвигенец, медийная персона, вертикальщик, лузер, управленческая элита, офисный планктон, мажор* и т.д.

Закономерно, что наиболее полное описание категории «социальный статус» представлено в социологии – науке об обществе. Основатель социологической науки Э. Дюркгейм отмечал, что все общественные функции и виды деятельности (закон, семья, труд) образуют иерархию в зависимости от того, насколько высоко они ценятся [Дюркгейм 1995]. Согласно П.А. Сорокину, одному из основоположников теории социальной стратификации и социальной мобильности, на определение социального статуса человека влияют такие факторы, как семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессия, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, происхождение [Сорокин 1992: 232]. Такого широкого понимания социального статуса как позиции человека в обществе, для определения которой используются характеристики, охватывающие различные сферы жизни личности, будем придерживаться и мы в своей работе.

Многоуровневость и динамичность социальной стратификации обуславливают разнообразие исследовательских подходов к соотношению понятий «социальный статус», «социальная роль», «социальная позиция», «социальный класс», к типологии социальных статусов, к выделению критериев и маркеров их дифференциации. Так, А.Д. Швейцер, рассматривая проблему социальной вариативности языка, определял статус как «комплекс постоянных социальных и социально-демографических признаков, характеризующих индивида, в отличие от роли, ориентированной на ситуацию» [Швейцер 1982: 43].

Противопоставляя категории социального статуса и социальной роли, ученый отмечал: «Статус определяется совокупностью постоянных социальных характеристик информантов, их местом в социальной структуре, а роль – способом поведения, детерминированным социальной ситуацией. При определении статуса учитываются такие признаки, как классовая принадлежность, принадлежность к социальной группе, профессия, уровень образования и т.п. В то же время ролевые отношения задаются социальной ситуацией и варьируются вместе с ней» [Швейцер, Никольский 1978: 74–75]. В последние годы утверждается подход, основанный не на противопоставлении социального статуса и социальной роли, а на их объединении; в таком случае считается, что каждый статус включает несколько ролей (так называемый «ролевой набор»): «социальная роль – это социальная функция, модель поведения, объективно заданная социальной позицией личности в системе общественных или межличностных отношений» [Радаев 1995: 13].

Интерес к изучению социального статуса как лингвистической категории зародился в 1950-е годы в социолингвистике, где данное понятие оказалось востребованным при разработке проблем социальной индикации речи, языковой вариативности, обусловленной структурой общества, «социальных вариантов речи – того, как говорят разные по социальному положению, образованию, полу, возрасту люди в одной и той же ситуации» [Вахтин 2004: 49]. В центре внимания ученых оказались географические и социальные диалекты, рассматриваемые с точки зрения горизонтального и вертикального членения языка, типы коммуникативных стратегий собеседников в условиях ситуативного и социального неравенства, разноуровневые языковые индикаторы и маркеры социального статуса человека [Карасик 2002: 54].

Социолингвистами было подтверждено, что языковая вариативность отражает социально-классовую структуру общества и проявляется в тех языковых и речевых различиях, которые имеются между представителями различных социальных слоев. Так, специфика гендерного поведения находит отражение в разнице лексиконов: мужчины используют преимущественно нейтрально окрашенные слова, профессионализмы, параметрические прилагательные, для женщин характерна более высокая частотность употребления слов, выражающих эмоционально-психологическое состояние человека, междометий, тропов, диминутивов [Кавинкина 2012: 98–99]. Диминутивность, по наблюдениям М.Д. Путровой, почти полностью соотносится с женским говорением; в вербальном поведении мужчин диминутивы встречаются в иронических высказываниях по поводу женщин и в имитациях женского вербального поведения [Путрова 2008: 40]. Речь высокообразованных людей, как отмечает Е.А. Бабушкина, характеризуется особыми просодическими параметрами – является более контрастной по диапазону, интенсивности,

длительности. Напротив, в речи носителей более низкого статуса наблюдается однообразие мелодики, сильноконечность интонационного контура, когда максимальная интенсивность располагается в конце синтагмы [Бабушкина 2015: 21]. Вопросам взаимосвязи социально-статусных характеристик языковой личности с ее речевым и коммуникативным поведением посвящены, в частности, работы А.В. Кирилиной, И.А. Стернина, Т.И. Ерофеевой, И.Е. Токаревой, А.М. Холода, К.В. Киуру, Б.Б. Докуто, Н.В. Дутовой, А.Г. Костецкой, Н.Е. Кирсановой.

На различие в речевых характеристиках участников коммуникации влияет не только их статус, но и коммуникативная ситуация. Ситуации общения могут быть симметричными и асимметричными. Участники симметричных ситуаций имеют «одинаковые социальные признаки, равное социальное положение, примерно одинаковый возраст, один и тот же пол» [Крысин 1976: 49], тогда как участники асимметричных ситуаций общения различаются хотя бы по одному из указанных признаков. В условиях симметричной ситуации партнеры по коммуникации свободнее выражают свои эмоции и чувства, поэтому, например, может не регулироваться степень громкости – от тихого проявления до самого громкого [Кильмухаметова 2014: 87].

Изучение социального статуса как нормативной и аксиологической категории входит в сферу интересов лингвокультурологии, этнолингвистики, коммуникативной этностилистики (Е.Ф. Тарасов, Л.С. Школьник, Н.И. Формановская, С.А. Питина, А.С. Сорокина, Н.Ю. Буравцова и др.). По утверждению В.И. Карасика, «изучая статусные отношения, мы изучаем принципы общественного устройства, закодированные во всем богатстве нюансов естественного языка» [Карасик 2002: 5]. Социально-статусные отношения в обществах имеют национально-культурную специфику, и это также отражается в языке. Высокая значимость статусного неравенства в восточных культурах отражается в наборе адресативных средств вежливости: так, в узбекском языке – четыре местоимения второго лица, которые выражают разные оттенки отношений, в японском – семь [Ларина 2009: 48]. В традиционных восточных культурах обращение жены к мужу представляет собой обращение младшего, подчиненного, зависимого к старшему, господину [Мечковская 1996: 59].

В прагмалингвистическом аспекте социальный статус исследуется в связи с категориями воздействия, модальности, оценки, стилистического регистра – при этом во взаимосвязи рассматривается как социально-статусное, так и ситуационное неравенство коммуникантов. Так, учет социального статуса является обязательным условием при анализе типов речевых актов, которые могут быть как статусно-нейтральными

(утверждение, рассказ), так и статусно-маркированными (просьба, извинение, совет, приказ, требование, мольба и др.).

Например, речевой акт просьбы имеет ярко выраженный асимметричный характер; из ситуационной противопоставленности ролей адресанта и адресата (просить / отвечать на просьбу согласием или отказом) следует явное неравенство позиций коммуникантов: «проситель» является персоной зависимой, демонстрирующей фактом просьбы и эту свою зависимость, и свое признание авторитета адресата; «исполнитель просьбы» остается свободным в действиях, поскольку ситуация предусматривает его способность, но не обязанность выполнить просьбу [Пивоварчик 2000: 157]. Неравенство позиций в ситуации просьбы декларируется вспомогательными высказываниями, направленными на обоснование просьбы (*Я пропустил занятия вчера, нельзя ли мне взять у Вас до завтра текст лекции?*) или содержащими обещание (*Я завтра же верну разработку*) и т. п. [Карасик 2002: 13].

Прагматический аспект исследования социального статуса связан и с выявлением особенностей организации коммуникативного поведения, коммуникативных стратегий и тактик носителей разного социального статуса (И.П. Сусов, В.И. Сенкевич, Е.А. Быганова, А.В. Киселёва, И.В. Миляева, Т.А. Пивоварчик, Н.А. Рамазанова, Е.В. Саушева и др.). Так, Е.А. Быганова выделяет пять стратегий, отражающих социальный статус говорящего: вежливости, самопрезентации, конфронтации, кооперативности, имплицитности [Быганова 2010: 8], к которым в разной степени прибегают высокостатусные и низкостатусные лица. Автор отмечает, что собеседники с равным социальным статусом практически не ограничены в выборе средств и стратегий общения, могут открыто идти на конфликт или, наоборот, сближаться. Чувство свободы в общении позволяет сокращать дистанцию между коммуникантами и избегать некоторых специфичных ритуалов и форм обращения, предусмотренных этикетом [Быганова 2010: 8].

Прагматически значимым является дескриптивный способ социально-статусного самопредставления собеседников в процессе общения, например: *Вы послушайте меня, Иван Иванович, что вам я, старик, скажу: вы, батюшка, не дельно вести себя стали* (В.М. Гаршин); – *Эй, ты, – заорал он на лейтенанта, – поди сюда! Тебе майор говорит!* (К. Симонов). В таких высказываниях актуализируется оценочно-нормативный компонент семантики номинаций лица по социальному статусу, связанный с представлениями о социальной значимости статусной позиции и о требованиях к ролевому поведению носителя социального статуса и его собеседника [Пивоварчик 2009].

Исследования социального статуса в области теории дискурса организованы вокруг таких понятий, как «статусно-ориентированный

дискурс» (В.И. Карасик, Т.Д. Полуэктова, А.А. Кожевникова), «статусно-маркированный дискурс» (Е.В. Саушева, Т.М. Власова, М.Б. Дюжева), «коммуникативный стиль» (Л.В. Куликова, Т.В. Ларина), «высококонтекстные / низкоконтекстные культуры» (Э. Холл). Всякая форма коммуникации представляет собой статусный дискурс, так как социальный статус – признак, присущий каждому человеку. Вслед за Т.Д. Полуэктовой под статусным дискурсом мы понимаем «базисное образование, связывающее все виды дискурсов и состоящее из вербальных и невербальных маркеров (сигналов) статусов сокоммуникантов» [Полуэктова 2015: 17]. Ученый придерживается мнения, что в каждом акте общения, будь то персональная или институциональная коммуникация, учитывается набор статусов собеседников, как следствие, в каждом дискурсе присутствуют компоненты (лингвистические, паралингвистические, экстралингвистические), обеспечивающие соотнесенность институционального или персонального дискурса со статусным дискурсом [Полуэктова 2015: 17].

Социальный статус автора является одним из факторов текстообразования (см. об этом, например, работы О.Л. Антинескул). Так, носители языка с высоким уровнем образования при построении текста предоставляют вводную информацию, определяют место, время, участников, рассматривают событие с точки зрения других людей. Малообразованные люди зачастую используют хронологический порядок для перечисления событий, действий, образов, реже обращаются к абстрактным категориям. С уровнем образования непосредственно связано и умение выбирать речевой жанр, в наибольшей степени соответствующий той или иной ситуации [Савинова 2009: 186].

В русле когнитивной лингвистики категория социального статуса рассматривается Е.И. Головановой, В.В. Дементьевым, О.В. Доброходовой, Л.А. Джелаловой, М.Л. Кусовой, О.Г. Лапшиной, Э.С. Лоовой, А.М. Плотниковой, Е.С. Ревенко, Л.Ю. Резниченко и др. Так, О.В. Доброходова, описывая языковую категоризацию социального статуса, выделяет следующие характеристики содержательной структуры данного концепта: иерархичность, шкалирование, релятивность, детерминированность прав и обязанностей, временная соотнесенность, приобретаемость, предписанность. Указанные смыслы репрезентируются лексемами, способными активизировать знания о социальной стратификации [Доброходова 2012: 5]. Так, категоризация социального статуса человека, связанная с характеристикой «соответствие / несоответствие материального уровня сложившимся нормам благосостояния», представлена на трех уровнях: суперординатный уровень представлен концептом «материальное положение», базовый уровень – концептами «богатые» и «бедные», субординатный уровень – концептами

«супербогатый», «обеспеченный», «необеспеченный», «нуждающийся» [Доброходова 2012: 6].

Поскольку социальный статус является существенным моментом организации человеческого сообщества, он в той или иной мере закреплён в семантике многих языковых единиц. Информация о социально-статусных отношениях может быть включена «в семантику и прагматику языкового знака, без учёта которых знак не может быть правильно употреблен» [Михальченко 2002: 128]. Значение социального статуса может актуализироваться на синтаксическом (виды модальности, вводные конструкции, разновидности императива, инверсии), словообразовательном (уменьшительные суффиксы), морфологическом (местоимения множественного числа, имена прилагательные в превосходной степени сравнения, глаголы повелительного наклонения) уровнях. Этноспецифическими средствами статусной маркированности в русской речи являются отчество при обращении к адресату, достигнутому определённому возрасту, форма множественного числа как общая гоноративная форма при восходящем статусном векторе общения, архаичная аналитическая глагольная конструкция со специфическими предикатами (*пожалуйста откушать, извольте пройти*) [Топка 2015]. Семантический признак «социальный статус» является ядерным для целого ряда фразеологических единиц: *играть первую скрипку* в значении ‘занимать главенствующее положение в чём-либо’, *иметь руку* – ‘располагать связями, протекцией’, *править бал* в значении ‘занимать основное положение, иметь главное значение’ и др. [Ермолаева 2009: 210].

В то же время следует отметить, что социально-статусные отношения отражаются в первую очередь в семантической структуре лексических единиц языка, и прежде всего – в семантике синтетических и аналитических наименований лица по социальному статусу и социальной роли (работы Т.И. Галеева, Е.И. Головановой, В.М. Зариповой, Е.В. Кашпур, Е.А. Маклаковой, Е.В. Рубановой, А.Г. Тимченко, О.Е. Фроловой, Т.П. Шуба-Зимяниной и др.). «Социальный статус человека «закодирован» в употребляемой для его обозначения лексеме, а именно – в статусной семе» [Полуэктова 2015: 4], которую Т.Д. Подьякова определяет как «минимальную часть лексического значения, отображающую позицию референта в социальном пространстве относительно других субъектов (выше, ниже, на равных позициях) с точки зрения различных признаков (экономических, профессиональных, этнических и др.)» [Подьякова 2013: 46]. Статусные семы в слове могут быть эксплицитными и имплицитными, могут входить в денотативный или коннотативный компонент содержательной структуры слова, могут становиться основой для появления оценочно-экспрессивных коннотаций и развития лексико-семантических вариантов слова. Так, в языке современной публицистики оказывается востребованной метафорически

переосмысленная сословная номинация *барин* в значениях ‘высокомерный человек’, ‘избалованный человек’, ‘ведущий праздную жизнь’ и т.п. При этом слово регулярно применяется в структуре прецедентных единиц и их трансформаций, используемых для организации заголовочных комплексов, например: *Вот приедет барин, барин нас рассудит; Когда хозяин – не барин; Тот барин, у кого хлеб в амбаре; Хозяин — барин? Нет!; Когда хозяин станет барином?*

В основе представлений о социально-статусных отношениях в обществе изначально лежала идея социального неравенства. Иерархическое устройство общества и статусное взаимодействие его членов отражаются в языке в парадигматических лексических связях, в которых концептуализируется сфера социальных отношений и актуализируются лингвосомиотические оппозиции «выше – ниже», «свой – чужой», «много – мало», «хорошо – плохо» и др.: *учитель – ученик, родители – дети, городские жители – сельские жители, руководитель – подчиненный* и др.

Слово как языковой знак позволяет обозначить место какого-либо человека по отношению к другим членам общества, что предполагает использование специальных лексем и выражений, обозначающих статусную позицию, имеющих те или иные коннотации социального статуса (*провинциал, крестьянин, интеллигент, трудовой мигрант, лишенец, не занятый в экономике*). Синонимические номинации лица могут использоваться для повышения или понижения статуса обозначаемого человека, ср.: *специалист отдела доставки и курьер, помощник руководителя и секретарь, труженник села и сельчанин, народный избранник и депутат* и т.п. Исследуя национальную специфику русских и английских лексем, Е.А. Маклакова отмечает, что высокая доля русской безэквивалентной лексики на фоне английского языка выявилась среди метафорических наименований лица по социальному статусу: *дочь* ‘лицо женского пола, олицетворяющее лучшие черты своей среды’, *гражданин* ‘форма официального обращения к мужчине в России’ [Маклакова 2006: 115].

Социальный статус человека находит выражение и в семантической структуре глаголов речи и поведения. В лексическом значении таких слов содержатся указания на характер коммуникации между людьми, между личностью и обществом [Крысин 2000: 38]. К предикатам, обозначающим отношения подчинения, Л.П. Крысин относит следующие: *арестовать, благоволить, велеть, вменить, выселить, карать, консультировать, опекасть, разрешить, экзаменовать* и др. Данные лексем используются для обозначения ситуации, в которых социальная роль первого участника «выше» социальной роли второго участника [Крысин 2000: 38]. В обратной ситуации, когда социальная роль первого участника «ниже» социальной роли второго, употребляются следующие слова: *выхлопотать,*

гневить, докладывать, молить, отпроситься, слушаться и др. Значения слов, называющих асимметричные ролевые отношения, Л.П. Крысин именует «социально ориентированными» [Крысин 2000: 39]. Ученый отмечает, что в ряде случаев компонент глаголов, указывающий на неравенство статусов участников коммуникативной ситуации, может быть выявлен только путем семантического анализа. Например, глагол *принимать – принять* в одном из своих значений описывает ситуацию, в которой принимающее лицо обладает более высоким статусом, чем принимаемое: *В четверг президент принял в Кремле главу федеральной службы по финансовому мониторингу Юрия Чиханчина* (Комсомольская правда, 27.06.2013). При условии нарушения асимметрии социальных статусов употребление данного глагола некорректно (**Глава федеральной службы по финансовому мониторингу принял в Кремле президента*).

Актуальность лингвистического исследования категории социального статуса, несмотря на наличие работ соответствующей тематики в области социолингвистики и лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и дискурс-анализа, семантики и прагматики языкового знака, сохраняется: «Вопрос об отражении социального непосредственно в структуре языкового знака исследован в мировом языкознании значительно меньше, чем проблема влияния общества на функционирование языка» [Михальченко, Крючкова 2002: 128]. Требуют изучения вопросы о социально-статусной детерминации речевого поведения и дискурса, о механизмах социально-статусной маркированности языковых и речевых единиц, об особенностях функционирования наименований лица по социальному статусу, которые в языке современных массмедиа получают значительное варьирование, отражающее отношение социума к актуальным общественным процессам.

Библиографический список

Бабушкина Е.А. Социальный статус говорящего и его фонетические корреляты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3. С. 20–22.

Быганова Е.А. Прагмалингвистический аспект категории социального статуса в немецкоязычном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 27 с.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. 336 с.

Доброходова О.В. Категоризация социального статуса человека в языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 23 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. 352 с.

Ермолаева М.В. Процессуальные фразеологизмы социального статуса лица в коммуникативно-прагматической деятельности (гендерный аспект) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 10. С. 208–216.

Кавинкина И.Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. Анализ гендерных стереотипов в коммуникации: монография. Saarbucher: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 177 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

Кибрик А.Е. Современная лингвистика: откуда и куда? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 93–101.

Кильмухаметова Е.Ю. Паралингвистическая индикация социального статуса (на примере французской литературы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 86–89.

Крысин Л.П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26–42.

Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. 1976. С. 42–52.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Российский гос. ун-т, 1995. С. 144–238.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Маклакова Е.А. Контрастивный анализ и национальная специфика семантики слова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 112–116.

Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.

Михальченко В.Ю., Крючкова Т.Б. Социолингвистика в России // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 116–142.

Пивоварчик, Т.А. Моделирование социальной идентичности: речевые формулы самоназвания // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. Вып. 5: межвуз. сб. науч. тр. / отв. секр. Е.Ю. Стриганкова. Саратов: ПАГС, 2009. С. 76–85.

Пиваварчык Т.А. Аб некаторых этнакультурных асаблівасцях беларускай маўленча-этыкетнай сітуацыі просьбы // Вопросы функциональной грамматики: сборник науч. трудов. Вып. 3. Гродно, 2000. С. 155–163.

Подьякова Т.Д. Взаимодействие статусной и оценочной семы // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 2. С. 44–51.

Полуэктова Т.Д. Реализация семантики статуса в русском языке (на материале номинаций лиц медиа-политического текста). Архангельск, 2015. 206 с.

Путрова М.Д. Модальные диминутивы как экспликатеры гендерной отнесенности высказывания // *Веснік БДУ. Сер. 4.* 2008. № 2. С. 39–43.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учебное пособие. М.: Наука, 1995. 239 с.

Савинова М.С. Профессия как часть социального статуса и ее отражение в просодических характеристиках речи // *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова.* 2009. № 4. С. 186–189.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Топка Л.В. Языковая маркированность социального статуса говорящего субъекта в языках разных типов // *Социосфера.* 2015. № 2. С. 78–83.

Швейцер А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка // *Вопросы языкознания.* 1982. № 5. С. 39–48.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.